

Н. К. Гудзий

Еще раз о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“

В сборнике исследований и статей, посвященных «Слову о полку Игореве» (1950), была напечатана моя статья «О перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“», в которой я поставил перед собой задачу аргументировать перестановку абзацев «Слова» «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце... а любо испити шеломомь Дону» и «О Бояне, соловію стараго времени... ищучи себѣ чти, а князю славѣ», впервые предложенную А. И. Соболевским, затем, независимо от него, И. А. Яковлевым, поддержанную В. Н. Перетцом, П. Л. Маштаковым и принятую несколькими исследователями, публикаторами и переводчиками текста «Слова». В статье «Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“»¹ мной сделаны некоторые исправления, касающиеся частных вопросов, но не меняющие основных положений предшествующей моей статьи.

Моя аргументация в защиту до меня предложенной перестановки в тексте «Слова» представляется необедительной В. И. Стеллецкому, выступившему с возражениями против моих соображений в статье «К вопросу о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“».²

Можно, разумеется, оспаривать приемлемость предложенной перестановки и ее обоснование, но, отвергая ее, следовало бы привести убедительные доводы против нее, чего, как мне представляется, В. И. Стеллецкий не сделал.

Свое возражение против перестановки В. И. Стеллецкий начинает с того, что при допущении ее мы должны, по его мнению, предположить три случайности, не встречающиеся в древнерусских рукописях. Первая случайность состоит якобы в том, что «гипотетический рассеянный переписчик буква в букву закончил текст перед этим самостоятельным абзацем на предыдущем листе (т. е. перед абзацем «О Бояне, соловію стараго времени...», — Н. Г.), вторая случайность состоит в том, что этот рассеянный переписчик буква в букву закончил текст этого абзаца на данном листе (т. е. абзаца «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...», — Н. Г.)».

Остановимся пока на этих двух «случайностях», так как разговор о третьей «случайности» сам В. И. Стеллецкий перенес на конец своей статьи. Тут трудно понять, что собственно кроется за приведенной очень неясной фразой автора. Почему прежде всего переписчика, переписывавшего предположительно спутанные листы, нужно считать рассеянным,

¹ Труды ОДРЛ, VIII, 1951.

² Там же, XI, 1955.

если большинство исследователей, в том числе и сам В. И. Стеллецкий, не усматривали и не усматривают в мусин-пушкинской рукописи спутанности листов и не видели и не видят логической непоследовательности в расположении указанных абзацев в этой рукописи? Если не предположить, что в приведенной выше фразе В. И. Стеллецкого допущена собственная авторская рассеянность, по причине которой спутаны переписчик оригинала мусин-пушкинской рукописи с его писцом, то по прямому смыслу фразы выходит, что переписывавший мусин-пушкинскую рукопись с ее оригинала должен был переписывать ее на листах точно такого же размера, что и размер оригинала, и с таким же точно количеством текста на каждом листе. Конечно, никто из защитников перестановки этого не предполагал и не мог предположить, зная, что мусин-пушкинская рукопись была форматом в нормальный бумажный лист. Может быть, смысл фразы В. И. Стеллецкого тот, что и писец оригинала мусин-пушкинской рукописи не мог заключить лист законченным абзацем? Но почему же не мог и почему это было бы исключительной случайностью, как утверждает В. И. Стеллецкий? Это трудно понять, как, повторяем, трудно вообще понять ход рассуждений автора в выше приведенной его фразе.

А. И. Соболевский указывал на то, что в древнерусских рукописях мы не раз сталкиваемся с путаницей листов, и в качестве примера привел такую путаницу в списке «Бесед» папы Григория Великого, обнаруженную Горским и Невоструевым, происшедшую еще в глубокой древности и повторяющуюся во всех списках «Бесед» вплоть до погодинского списка XIII века.¹ Другие два примера такой же путаницы листов в позднейших летописных списках привел В. Н. Перетц.² Поэтому нет ничего необычного в том, что такая же путаница листов могла быть допущена и в одном из списков «Слова о полку Игореве», предшествовавшем мусин-пушкинскому.

По расчету Соболевского текст, содержащий абзац «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. . .», занимал один листок, исписанный с обеих сторон, а текст с абзацем «О Бояне, соловію стараго времени. . .» — два листка, так же исписанных. Таким образом, на каждую страницу этих листков приходилось бы приблизительно от 180 до 200 букв. Пишущий эти строки первоначально (в статье 1950 года) усумнился в том, что рукопись хотя бы малого формата, хотя бы написанная крупным уставом (по предположению Соболевского на пергамене, что предполагать вовсе не обязательно) могла содержать на странице такое малое количество текста, и предпочел расчет текста на странице, сделанный В. Н. Перетцом, который увеличил его вдвое, но этот расчет оказался ошибочным, что признано было впоследствии самим В. Н. Перетцом и от чего отказался и автор этих строк, признав правильным расчет Соболевского.

В. И. Стеллецкий всецело разделяет мое первоначальное мнение о сомнительности столь небольшого объема текста на страницах предполагаемой Соболевским рукописи со спутанными листами, и это является в его глазах лишним аргументом против моих доводов. Но действительно ли очень небольшое количество текста, какое Соболевский предполагает в одной из рукописей «Слова», предшествовавшей мусин-пушкинской, является столь необычным в древнерусской рукописной традиции? Обратимся к фактам. В Святославовом сборнике 1076 года на каждую страницу

¹ А. И. Соболевский. *Материалы и заметки по древнерусской литературе*. ИОРЯС, XXI, кн. 2, 1917, стр. 211—212.

² В. Перетц. «Слово о полку Игоревім». Киев, 1926, стр. 40.

приходится приблизительно столько же букв, сколько и на страницу предполагаемой Соболевским рукописи «Слова», послужившей оригиналом для мусин-пушкинской рукописи.¹ То же — в Кондакаре XII—XIII веков,² в Шереметевском Требнике XIV в.,³ в Служебнике 1400 года,⁴ в Октоихе 1436 года,⁵ в Служебнике 1631 года⁶ и др.

Мной было указано, что приемлемость перестановки в «Слове», предложенной Соболевским, оправдывается и наблюдением В. П. Адриановой-Перетц над текстами «Задонщины», в которых последовательность двух эпизодов, соответствующих двум рассматриваемым нами абзацам «Слова», согласуется с перестановкой Соболевского. Дело в том, что в «Задонщине» дважды читается обращение к птице, которой предлагается воспеть поход русских против татар, в первый раз — к жаворонку, во второй — к соловью. В. П. Адрианова-Перетц имела тут в виду первое обращение — к жаворонку, которому в трех списках «Задонщины», в том числе в старейшем — Кирилло-Белозерском, и в списке ГИМ № 2060, наиболее близком к авторскому оригиналу, автор предлагает воспеть Дмитрия Ивановича и его брата Владимира Андреевича, после чего следует обращение Дмитрия Ивановича к его воинам; во втором же обращении автора — к соловью, следующим после речи Дмитрия Ивановича, в двух списках вовсе не упоминаются ни Дмитрий Иванович, ни Владимир Андреевич, главные герои Куликовской битвы. Но В. И. Стеллецкий обращает внимание лишь на второе обращение — к соловью и потому неосновательно полагает, что текст «Задонщины» сам по себе не оправдывает перестановки в «Слове», тем более что цитаты из «Слова» в «Задонщине» вообще перетасованы. Почему же В. И. Стеллецкий проходит мимо обращения к жаворонку, на которое опирается В. П. Адрианова-Перетц, заключающая, что Софония-рязанец имел перед собой такой текст «Слова», в котором оба рассматриваемые абзаца были расположены в том порядке, какой установлен был Соболевским? А то, что некоторые цитаты из «Слова» в «Задонщине» были использованы в слегка перетасованном порядке, не значит, что все эти цитаты использованы были «Задонщиной» именно так.

В качестве одного из существенных аргументов в пользу перестановки в «Слове» абзацев я привел и то соображение, что, приняв ее, мы устраняем противоречие между «Словом» и летописью относительно времени солнечного затмения: при перестановке по «Слову», как и по летописи, затмение происходит после того, как Игорь и Всеволод углубились в степь, а не перед началом похода Игоря, как это читается в мусин-пушкинской рукописи. Кроме того, при перестановке устраняется явная астрономическая несообразность, состоящая в том, что либо затмение продолжалось непрерывно несколько дней подряд, либо на протяжении нескольких дней оно повторялось дважды.

Оспаривая мою аргументацию, В. И. Стеллецкий ссылается прежде всего на мнение А. Брюкнера, возражавшего против перестановки на том

¹ См.: Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, табл. 9; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 376. Все снимки в этих изданиях, как и указанные ниже, сделаны в натуральную величину, следовательно, листы во всех оригиналах очень небольшого формата.

² А. И. Соболевский. Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв. СПб., 1906, табл. 8.

³ Е. Ф. Карский, ук. соч., стр. 418.

⁴ Там же, стр. 426.

⁵ И. Ф. Колесников. Сборник снимков с русского письма XI—XVIII вв. Изд. 2, ч. 1. М., 1913, табл. 19.

⁶ Е. Ф. Карский, ук. соч., стр. 459.

основании, что по Ипатьевской летописи затмение произошло до встречи Игоря с Всеволодом в походе, а при перестановке выходит якобы так, что оно случилось после встречи братьев. В статье 1950 года я попытался объяснить, как нужно понимать обращение Всеволода к Игорю, предшествующее — при перестановке — рассказу о солнечном затмении. Я высказал предположение, что это обращение могло быть сделано перед самым походом, во время встречи братьев в Новгороде Северском, о чем идет речь в Ипатьевской летописи, или в Переяславле Южном, о чем говорится в Лаврентьевской летописи. Могло быть и так, что обращение Всеволода к Игорю сделано было не лично Всеволодом, а через какого-либо посредника. С этим предположением согласен и В. И. Стеллецкий. Но, независимо от всех этих догадок, и текст Ипатьевской летописи бесспорно свидетельствует о том, что затмение произошло не перед выступлением Игоря в поход, а тогда, когда Игорь уже далеко углубился в степь. В Ипатьевской летописи читаем: «Идущим же им к Донцю реки, в год вечерний, Игорь же, возрев на небо, и виде солнце стояще яко месяц».

В. И. Стеллецкий, однако, в своем сопротивлении перестановке в «Слове», как и в других спорных случаях, апеллирует к абстрактным соображениям о специфичности «Слова» как художественного произведения, которая якобы не допускает согласия с естественной логикой фактов, излагаемых в документальном историческом повествовании. Он пишет: «Н. К. Гудзий совершенно абстрагируется от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, в котором не может не быть художественной переработки исторических сообщений (иначе это произведение не могло бы быть художественным), и оно не может не обладать логикой художественного произведения». С этой точки зрения, т. е. с точки зрения «логики художественного произведения», В. И. Стеллецкий, между прочим, не видит ничего необычного в том, что сначала Игорь велит дружине сесть на коней, а затем Всеволод предлагает Игорю седлать их.

Так же рассуждает В. И. Стеллецкий и относительно отмеченной мной неувязки с эпизодом солнечного затмения. Вслед за С. К. Шамбинаго, считавшим, что все начало «Слова» до описания всеволодовых воинов является только вступлением к основной части «Слова», В. И. Стеллецкий полагает, что в «Слове», как оно читается в мусин-пушкинской рукописи, не солнечное затмение происходит дважды, а автор дважды упоминает о нем, как полагал и Шамбинаго. Но, не говоря уже о том, что нет оснований все начало «Слова» вплоть до характеристики Всеволодом своих курян считать сплошь вступлением к «Слову», особенно если оставить на прежнем месте абзац «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...», — мусин-пушкинская рукопись «Слова» ясно отмечает два затмения: первое — перед отправлением Игоря в поход и второе — через некоторое время после этого, когда «Игорь ждеть мила брата Всеволода», т. е. тогда, когда Игорь уже углубился в степь. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что по мусин-пушкинской рукописи не дважды происходит затмение, а только автор о нем дважды говорит. Кстати, у самого С. К. Шамбинаго вызывает недоумение фраза «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты», неожиданно, по его мнению, следующая после авторского обещания начать свою повесть от старого Владимира до нынешнего Игоря. Если же принять перестановку, то эта фраза с недоуменным началом ее со слова «тогда» окажется гораздо более на месте, чем при отсутствии перестановки: Игорь ждет Всеволода, и тогда, т. е. во время ожидания, он увидел солнечное затмение.

В. И. Стеллецкому представляется неестественным и художественно неубедительным, чтобы вслед за упоминанием о полках Игоря сейчас же шло обращение к Бояну с призывом воспеть эти полки. Естественно было, по его мнению, обратиться к Бояну с таким призывом только после того, как охарактеризован главный герой «Слова» — Игорь, сказано о его рыцарской доблести, о предпочтении им быть убитым, чем плененным, о его желании либо сложить свою голову, либо напиться шеломом Дона. Но что можно сказать по поводу этих соображений В. И. Стеллецкого, насквозь проникнутых собственными вкусовыми представлениями, как и некоторые другие соображения, высказанные им в его статье? Лишь то, что сам В. И. Стеллецкий поступил бы в данном случае именно так, как это читается в мусин-пушкинской рукописи «Слова», что автор «Слова» должен был бы придерживаться той же художественной системы, какая В. И. Стеллецкому представляется единственно приемлемой. А почему, спрашивается, автор «Слова» не мог обратиться к Бояну с предложением воспеть игоревы полки после того, как об Игоре уже было сказано, что он напряг ум крепостью своей и изострил сердце свое мужеством и, наполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую? Разве этот очень сочувственный отзыв автора об Игоре — не достаточный повод для того, чтобы призвать Бояна воспеть Игоря и его полки? Мной уже было указано, что при перестановке получается прямая словесная связь между двумя соседними предложениями: «Наведе своя храбрыя плъки на землю Половецкую за землю Русскую» и «О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ушекоталь. . .», чего не получается, если мы отвергнем перестановку. В. И. Стеллецкий пытается оспорить эту связь, полагая, что в первом случае под полками разумеются ратники Игоря, а во втором — не только ратники, но и поход их, что тут мы имеем дело не с простым повторением одного и того же слова, а с насыщением этого слова большим, глубоким, расширенным содержанием. Но ведь все это — сплошь гадательные домыслы, которые никак не подкрепляются текстом «Слова».

В. И. Стеллецкому представляется, что если бы обращение к Бояну находилось вслед за обещанием начать повесть от старого Владимира до нынешнего Игоря, то оно носило бы «чисто риторический характер», являлось бы «каким-то риторическим украшением». «А мы знаем, — пишет В. И. Стеллецкий, — что „Слову о полку Игореве“ не свойственны риторические прикрасы, все в нем насыщено глубоким содержанием». Вот как раз в такого рода юбилейной похвале «Слову» присутствует больше риторики, чем ее окажется в том случае, если принять перестановку абзаца с обращением к Бояну. А потом — чужда ли действительно «Слову» риторика? Риторика ведь бывает разная — и легковесная, трескучая, и высокая, волнующая, художественно оправданная, обнаруживающая большое словесное мастерство. Такая риторика присуща многим выдающимся произведениям мировой литературы, не только древней, но и новой. Не чуждалось ее и «Слово о полку Игореве».

В начале своей статьи В. И. Стеллецкий, как сказано выше, говорит о двух из трех необъяснимых «случайностей», которые нужно было бы допустить при условии, если мы примем перестановку, предложенную Соболевским. По поводу первых двух «случайностей» у нас уже говорилось. Речь о третьей «чудесной случайности», как ее характеризует В. И. Стеллецкий, значит, случайности самой разительной, он отнес к концу статьи, рассчитывая, очевидно, тем самым свои возражения против перестановки сделать окончательно неопровержимыми. «Чудесная» эта случайность состоит в том, как думает В. И. Стеллецкий, что спутанные, по догадке

Соболевского, листы легли именно так, что благодаря этой спутанности в полной мере оказался выдержанным ритм начальной части «Слова». И В. И. Стеллецкий довольно пространно старается убедить читателя в том, что как раз при отсутствии перестановки ритмический строй памятника наилучшим способом выдерживается, а при перестановке он явственно и бесспорно нарушается.

Но соображения В. И. Стеллецкого в этой части его рассуждений особенно импрессионистичны, отвлеченны и сугубо субъективны, — настолько, что ни на какую убедительность рассчитывать не могут. В. И. Стеллецкий рассуждает так, как будто автор «Слова» должен быть непременно его единомышленником в вопросе о ритмической структуре «Слова». Он прямо предписывает правила ритмической организации «Слова», например, в следующей фразе: «По содержанию после динамического описания в самом начале основной части „Слова о полку Игореве“ храбрости воинов должна следовать динамическая же картина выступления в поход, а не остановка начавшегося уже движения всего содержания и ритма песни Игорю словами „Тогда Игорь взъерѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты“» (стр. 57).¹ С таким же основанием, с таким А. И. Стеллецкий пытается доказать преимущество ритмического строя «Слова» без перестановки, можно было бы при желании ратовать за такое же преимущество при перестановке, если бы это имело какую-либо научную ценность.

Защищая предложенную Соболевским перестановку в «Слове», я мимоходом указал на некоторых комментаторов и переводчиков «Слова», принявших эту перестановку, но, с моей точки зрения, допустивших некоторые другие перестановки, конъектуры или приемы перевода, не могущие быть оправданными. Это для В. И. Стеллецкого оказалось достаточным предлогом для того, чтобы уличить меня в некоторой непоследовательности: как же я, упрекая кое-каких авторов в иных неоправданных перестановках и конъектурах в «Слове», в то же время упоминаю их как разделяющих необходимость перестановки именно в данном конкретном случае, о котором идет речь? Не касаясь вопроса о том, какое прямое отношение это указание В. И. Стеллецкого имеет к самому существу нашего спора, позволительно спросить, почему же, не соглашаясь с тем или другим толкователем текста какого-либо памятника в одних случаях, нельзя заявлять о солидарности с ним в других случаях, когда то или иное его мнение совпадает с мнением его оппонента? В такой претензии В. И. Стеллецкого трудно усмотреть какую-либо логическую обоснованность.²

В заключение должен коснуться такого словоупотребления В. И. Стеллецкого, которое, по своему несоответствию с существом дела, не может не вызвать по меньшей мере удивления: в своем полемическом увлечении он говорит о «скептическом методе», «скептической точке зрения», «скептическом отношении к тексту „Слова“», о «неоскептиках»-конструкторах

¹ Разрядка моя, — Н. Г.

² К перечисленным мной именам, принимающим предложенную Соболевским перестановку в «Слове», кроме украинского переводчика и комментатора «Слова» Л. Е. Махновца, упомянутого самим В. И. Стеллецким, могу добавить еще следующие: Е. Ляцкого («Слово о полку Игореве». Прага, 1934), А. Досталя (*Les derniers travaux soviétiques relatifs au «Slovo o polku Igoreve»*. *Bysantinoslavica*, XIII, 1952—1953, стр. 294—295), украинских переводчиков — М. Рыльского («Слово о полку Игоревім». «Библиотека поэта». Киев, 1955), Н. Забилы (там же), А. Коваленко (там же), русского переводчика Л. И. Тимофеева («Слово о полку Игореве». Малая серия «Библиотеки поэта», изд. 3, Л., 1953), чешского переводчика Франтишека Кубка («Slovo o plku Igoreve». Прага, 1946), осетинского переводчика В. А. Газзаева («Кадæг Игоры стæрыл», изд. 2, Сталинир, 1956), венгерский перевод И. Эрдоди (в брошюре «Enek Igor hadjártatáról Igorról, Szvjatoszlov fiáról, Oleg unokájáról», Будапешт, 1956).

«искаленного текста» «Слова» — все это применительно к сторонникам перестановки в начальной части текста «Слова». Чтобы быть последовательным, к числу «неоскептиков» В. И. Стеллецкий должен отнести и самого себя: ведь и он в своем переводе допускает две перестановки в мусин-пушкинском тексте «Слова»: слова «и въ морѣ погрузиста», стоящие в этом тексте после слов «аки пардуже гнѣздо», он с полным основанием переносит выше — после слов «тѣмою ся поволокоста», а в словах «чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ» — с меньшим основанием — «чайцами» и «чрънядьми» меняет местами. В свое оправдание В. И. Стеллецкий, быть может, скажет, что допущенные им перестановки не столь радикальны, как перестановка, предложенная Соболевским, но ведь самый то принцип, за который он так ратует, от этого не меняется. К чему же после этого понадобились все эти словесные жупелы, которыми В. И. Стеллецкий пытается обуздать тех, с кем он вступает в полемику?
